

СТАНЬТЕ, ДЕТИ, В КРУГ

Сергей Чупринин. Большой путеводитель. Русская литература сегодня. «Время». М. 2007. 575 с.

Сергей Чупринин. Жизнь по понятиям. Русская литература сегодня. «Время». М. 2007. 767 с.

Двухтомный компендиум современной русской литературы, точнее, той её части, которая существует в России, построен следующим образом. Первый том открывают «памятные даты» – календарь событий литературной жизни в России последних десяти лет (1996–2006). Далее следуют сведения о 184 прозаиках, поэтах и литературных критиках, «чьё присутствие в современной литературе и на нынешнем книжном рынке несомненно». Затем информация о литературных премиях, писательских объединениях, литературных журналах и в заключение «Русский Гиннес» – избранные рекорды и рекордсмены: кто больше всех написал, чаще всех был премирован, кому из писателей достались самые крупные денежные подарки, заграничные ордена и ордена православной церкви и т.п.

Второй том почти на двести страниц толще первого и состоит из «понятий»: 273 статьи на актуальные литературные и околотитулярные темы.

Хочу сразу сказать, что я высоко ценю труд Сергея Чупринина. Не будь этот труд выдающимся явлением литературы, о нём не стоило бы говорить. Из чего, конечно, не следует, что книга, итог многолетних исследований, неуязвима для критики.

Об этом пишет и сам автор.

Предисловие ко второму тому начинается несколько кокетливой фразой: «Этой книгой будут недовольны многие». Одни читатели найдут её слишком легковесной, другие, напротив, недостаточно популярной. Одни будут недовольны терпимостью составителя к литературной пошлятине, другим покажется, что он слишком привержен к серьёзной литературе. Одних возмутит, что в книге уделено мало внимания патриотической и земляной словесности, других – что недооценена литература либерального толка. И так далее.

Особо деликатный сюжет – персоналии. Каждый лексикограф, когда он занимается современностью, рискует вызвать недовольство у живых свидетелей и участников. Почему Икс удостоился трёх страниц, а Игрек – лишь нескольких строк? Шаткость сиюминутных критериев очевидна; никто не знает, как будет выглядеть этот парад литературы завтра. Не будем ли мы начисто забыты уже через несколько лет? *Denke daran, dass morgen heute gestern ist!* Труднопереводимый афоризм Петера Вейса звучит примерно так: «Помни, что завтра сегодняшней день станет вчерашним».

Сквозной мотив путеводителя: единство русской литературы. Ключевое слово – «консенсус». Это отвечает, насколько мы в состоянии судить издали, общему настроению умов в сегодняшней России. Долой споры и склоки! Забудем старые распри. Что было, то было; простим прихлебателям рухнувшего режима, тем, кто ещё вчера весело отплясывал с рогатым чёртом. Мы все – дети одной матери-родины, в данном случае – представители единой литературы. Будем терпимы и в том, что касается «политики», и по части эстетики. Автор путеводителя предупреждает: беря в руки книгу, которую, по-вашему, невозможно читать, не спешите вычёркивать её из литературы. Не пренебрегайте авторами, которых Бог обделил талантом и культурой: ведь они тоже «присутствуют» в литературе и на рынке.

Благой совет, которому трудно следовать.

Руководствуясь правилом всеобщего согласия и желая раздать всем сестрам по серьгам, Сергей Чупринин сознательно включил в книгу писателей всех калибров. Не станем обсуждать (или осуждать) его выбор, хотя, например, ясно, что творчество таких авторов, как Баян Шириянов, Шиш Брянский и т.п., находится попросту за пределами литературы.

К сожалению, персональный отдел оказался малоудачным. Не потому, что добрая треть авторов, если не больше, принадлежит к тривиальной литературе, включая писателей предельно низкого уровня. Если придерживаться благородного принципа всеядности – то почему бы и нет? Независимо от критериев отбора статьи о писателях страдают двумя общими недостатками. Первый: отсутствует компетентная оценка творчества писателя. После кратких биографических данных ожидается, что нам сообщат, как и о чём он пишет. Каковы его сильные и слабые стороны. Какое место он занял в литературе. Вместо этого вам в изобилии предлагают цветистые, по большей части хвалебные и бессодержательные цитаты из статей критиков. От собственного суждения составитель словаря, к сожалению, воздерживается.

Второй пункт может вызвать улыбку. Речь идёт о каком-то непонятном пристрастии к чинам, креслам и наградам. Подробно и со вкусом перечисляются почётные звания и должности писателя: председательство, президентство, директорство, членство в различных комиссиях, правлениях, академиях, заведывание редакциями, пребывание в конкурсных жюри. Не обойдены вниманием самые мелкие литературные премии, не забыты и такие, которых не удалось получить («был номинирован», «входил в шорт-лист»). Спрашиваешь себя: кого всё это интересует?

Значительно интересней статьи второго тома – «Жизнь по понятиям» – и заслуживают более подробного обсуждения, чем это допускает краткая рецензия. Я считаю большим преимуществом то, о чём С.Чупринин пишет в предисловии ко второму тому: это «...система, свод не только знаний, накопленных мною за сорок лет участия в литературном процессе, но и моих представлений, взглядов, даже, если угодно, эстетических императивов».

Именно этого – собственной, нелицеприятной *profession de foi* – мы и ожидали.

Перечитывая алфавитный указатель статей, восхищаясь их разнообразием, шириной горизонта, изобретательностью в отыскании и отборе тем, замечаешь некоторый общий крен. Литературный социум, взаимоотношения писателей и критиков, групповые пристрастия и «тусовки» – то, что называется литературной жизнью, – по-видимому, занимают автора книги больше, чем собственно литературная проблематика. Писатель как независимая личность, писатель-отшельник, по самой сути своего ремесла противостоящий обществу и начальству, интересует его гораздо меньше, чем писатель – общественная фигура, деятельный участник литературного процесса, писатель-представитель: пассажир, а не пешеход. Здесь особенно ощутима установка (повторим цитату) на «присутствие в современной литературе и на книжном рынке». Рабство у времени, актуальность, понимаемая не как современность, а как своевременность.

Сугубое внимание – что, в частности, выгодно отличает путеводитель Чупринина от других справочников литературы – уделено литературной критике. Разъяснено множество терминов, полужаргонных речений и неологизмов, появившихся недавно, чуть ли не вчера (и, очевидно, обречённых исчезнуть завтра).

Всё это предопределило удачу «общественных» статей и слабость «теоретических». Характерный пример – статья «Автор».

Сперва говорится о сложности проблемы, бегло упоминаются авторитетные имена литературоведов. Далее сделана попытка показать, в чём состоит сложность. Не всегда легко решить, кто подлинный автор того или иного произведения. Книгу могут писать несколько человек («негры» Дюма-отца). Книги начальственных персон часто вовсе создаются не ими («Малая земля» и другие сочинения лауреата Ленинской премии по литературе Л. И. Брежнева; тут можно было бы вспомнить и сфабрикованных «переводчиками» фантомных национальных поэтов советского времени). Кроме официальных авторов, существуют официальные и неофициальные соавторы. И так далее.

Ясно, что это уход от темы: статья трактует не об авторе, а об авторстве. Никакой особой сложности тут нет. Между тем стоило бы поразмыслить, проследить на конкретных примерах – здесь литература XX века могла бы предоставить богатый материал, – как в действительности

может быть расщеплён автор. Как соотносятся между собой, в какую прихотливую игру вступают литературные роли: реальный автор, сидящий за рабочим столом; флоберовский всевидящий и незримый, как Бог в природе, автор внутри своего произведения; автор, надевший маску редактора или публикатора; эксплицитный автор – свидетель и повествователь; комментатор собственного труда, аналитик и скептик, предлагающий альтернативные версии; писатель – игрок над шахматной доской и писатель, который сам становится шахматной фигурой, действующим лицом... Каждая роль разыгрывается в собственном, романном или внероманном времени, и, таким образом, концепция автора оказывается тесно связанной с философией литературного времени.

Другой вопрос, столь же необходимый для уяснения, что такое «автор», – вопрос о субъекте литературного высказывания: кто говорит? От чьего имени ведётся повествование? Насколько «аутентичен» его рассказ? Одним словом, тут есть о чём потолковать – и о чём в статье составителя нет ни слова.

Можно было бы привести ещё несколько подобных примеров, когда автор путеводителя, на мой взгляд, не справился с темой (таковы статьи «Постмодернизм», «Поток сознания») либо трактует предмет слишком уж поверхностно, отделяется общими местами («Космополитизм в литературе», «Критика литературная», «Новый реализм», «Техника литературная», «Эмигрантская литература», «Эссе»).

Весьма неглубокой выглядит, на фоне тотальной коммерциализации литературы, статья «Рынок литературный». Отметим, кстати, что в разделе персоналий, где, как уже сказано, оказалось множество незначительных фигур, отсутствуют крупнейшие социологи современной российской литературы – Б. Дубин и Л. Гудков. Ни слова – в путеводителе, где упор сделан на литературную жизнь, – об экономическом положении русских писателей, о новых, подчас беззастенчивых формах эксплуатации литературного труда.

Есть и курьёзные тексты – о «приколах», о «либеральном терроре», о «литературе больших идей» (здесь, например, можно узнать, что писателем больших идей является славный Эдичка Лимонов).

Конечно, корректная критика стремится уяснить, какую задачу ставил перед собой писатель и насколько он с ней совладал. Упрекать автора, зачем он опустил то-то, не коснулся того-то, рискованно, – не лучший метод критики. Всё же я полагаю, что и в этом смысле мы вправе предъявить некоторые претензии к автору. В труде, который так или иначе притязает на то, чтобы дать всестороннюю картину сегодняшней русской литературы (хотя бы и ограничив её литературой метрополии), непозволительно обойти стороной первостепенное и жгучее.

Cum tacent, clamant, – говорил древний оратор. «Их безмолвие кричит». Вот в чём несчастье – глухое молчание о том, что болит. Повторяю, остаётся спорным, считать ли это недостатком компендиума, коль скоро известные темы заведомо не предусматривались программой книги. По мне, они должны были входить в задание.

Литература сегодняшней России есть прямой наследник советской литературы, и от этого никуда не уйдёшь. За плечами у нас гнусное и мучительное прошлое. Реликты этого прошлого продолжают жить в настоящем. В доме повешенного не говорят о верёвке. Но до тех пор, пока не произведён решительный расчёт с советским строем и советским мировоззрением, нельзя говорить ни о демократии, ни о моральном исцелении народа.

И ещё одно: известная стеснительность, – впрочем, понятная, ведь речь идёт о постыдных явлениях и непристойных именах, да и атмосфера в стране не слишком этому способствует, – помешала составителю упомянуть о расцвете национализма, расизма и откровенного фашизма в сегодняшней российской литературе и журналистике, о том, что представляют собой такие издания, как «Наш современник» или «Молодая гвардия», о произведениях таких авторов, как Михаил Назаров, Сергей Кара-Мурза, Ксения Мяло, Александр Дугин, Игорь Шафаревич, Станислав Говорухин, Владимир Бушин и *tutti quanti*.

Но, быть может, ещё важнее то, что новая литература так или иначе противостоит старой парадигме, не мытьем, так катаньем старается освободиться от советского образа мыслей, сбросить путы архаической советской эстетики, выбраться из провинциальной затхлости. И об этом тоже стоило бы сказать в книге.

В заключение – несколько мелких неточностей или опечаток. Женщину – литературного критика и редактора выходящего в Берлине журнала «Литературы» («Literaturen») Зигрид Лёфлер автор дважды называет мужским именем Зигфрид. Вместо «доппельгангер» надо было бы сказать: доппельгенгер (Doppelgänger, двойник). Французское слово meilleur пишется с двумя «эль». И, наконец, на случай очень желательного переиздания, покорнейшая просьба: в книге, написанной в общем-то вполне нормальным русским языком, воздержаться от таких речений, как «позиционировать», «легендировать», «отформатировать субжанр», «ментальный самоотчёт», «вот именно что», «полный отстой», «эффективные маркетинговые стратегии», «самым взаимоисключающим образом», «принципиально космополитичный», «продактплейсментингный»...

Книга прекрасно издана. Жаль, что так мал тираж: 3 тысячи.